

Луи Алексис Бертрэн (1852–1918) выбрал для своих крымских очерков несколько комичный псевдоним — Луи де Судак. Но выбирая место обитания, он не прогадал: Судак и Феодосия стали для него второй родиной. В Крыму писатель прожил около трех десятилетий. С начала XX века он был вице-консулом Франции, Турции и Испании в Феодосии.

Симферопольский историк Элеонора Петрова, автор предисловия и добротных комментариев к изданию, цитирует некролог «Луи Бертрэн», опубликованный в «Известиях Таврической ученой архивной комиссии» в 1919 году. Текст был написан журналистом Вениамином Гейманом. В некрологе имя Бертрэна упоминается в ряду известных феодосийских крымоведов, один за другим ушедших из жизни в 1914–1917 гг. Это Терентий Вяземский (основатель Карадагской биостанции), князь Лев Голицын (отец крымского виноделия), Михаил Сарандинаки (гидролог, инициатор создания Центральной метеорологической станции Ново-Черноморских и Азовских портов), Людвик Колли (педагог, хранитель Феодосийского музея древностей, в те времена располагавшегося на горе Митридат — в здании, которое было построено на средства Айвазовского).

Книга «Путешествие по Крыму: Южный берег» вышла в Париже в 1892 году (в русском переводе публикуется впервые). К тому времени Луи Бертрэн уже стал крымчанином. С конца 1880-х он жил в Одессе, а в начале 1890-х поселился под Судаком,

в имени «Новый Свет», принадлежавшем жене его отца — Александре Захаровне Бертрен, урожденной Херхеулидзе. Собственно, маршрут из Одессы в Евпаторию (на пароходе «Пушкин»), дальнейшее путешествие по Крыму и нашли отражение в книге.

В 1892 году умирает отец, Алексис Бертрен. После этого Луи Бертрен перебирается в Феодосию, с которой связаны детские воспоминания.

Луи проживал здесь с отцом и матерью с 1859 по 1861 гг. Планировалось прокладывать железную дорогу из Джанкоя в Феодосию — и в этом строительстве должен был участвовать инженер Алексис Бертрен. Проект не осуществился. Но Луи еще предстояло вернуться в Феодосию и провести здесь последние 26 лет жизни.

Очерк «Морской порт Феодосия» опубликован в Париже в 1896 году. К тому времени во Франции уже были изданы четыре романа Бертрена. Но почему-то нам более интересны его сочинения о Крыме. Даже небольшой очерк о Феодосии ценнее русскому читателю, чем романы «Одесская львица» или «Любовь клоуна». И тогдашний министр народного просвещения Франции, рекомендовавший «Путешествие по Крыму» для чтения во всех французских школах, как будто априори разделял наши сегодняшние интересы.

Какой бертреновский роман мог бы действительно привлечь внимание русского читателя? Тот, в котором Луи Бертрен был бы не автором, а персонажем. Здесь мы цитируем Луи де Судаку известные стихи Баратынского: «Прости наш здравый смысл: прости, мы та из наций, / Где брату вашему всех меньше спекуляций...»

Представим только: на пересечении каких историй и биографий оказывается в Феодосии этот странствующий француз... Своей второй мамой он называет Александру Бертрен, дочь князя Захара Херхеулидзе (Херхеулидзева), который в 1823–1832 годах был адъютантом генерал-губернатора Новороссии графа Михаила Воронцова... То есть наш Луи де Судак оказывается в двух-трех рукопожатиях от мужа Елизаветы Ксаверьевны.

Он водит знакомство со Львом Голицыным (гражданской женой которого была старшая сестра Александры Захаровны

Херхеулидзе). Он становится феодосийцем еще при живом Айвазовском. Он ходит по улицам Феодосии в те же годы, когда там бывал Чехов (1894, 1896). Он мог видеть там Цветаеву в 1914-м или 1917-м...

Элеонора Петрова сообщает в биографическом очерке: «Последние годы жизни Луи Бертрена омрачили события на международной арене и в России. Он обсуждал их с людьми, близкими по духу. Конечно же, с Людвигом Колли, который тяжело переживал за Россию в годы Первой мировой войны и революций 1917 года. Вениамин Гейман отметил примечательный факт: Бертрэн, «предвидя возможность открытия военных действий между Францией и Турцией, послал турецкому послу в Петроград свой отказ от звания консула. Французское же консульство он временно закрыл в день германской оккупации, когда исполнял фактически обязанности представителя нейтральной Испании»; и ещё: «Как курьез, можно отметить, что в день бомбардировки Феодосии крейсером «Гамидие», 16 октября 1914 г., один из немногих удачных снарядов попал как раз в квартиру этого турецкого консула Л. Бертрена, но, к счастью, все ограничилось страхом и беспокойством, т<ак> к<ак> снаряд не разорвался».

Возможно, вслед за фильмом «Француз» по сценарию Сергея Бодрова-старшего и Георгия Данелии (по мотивам повести Евгения Дубровина) и фильмом «Француз» Андрея Смирнова мы когда-нибудь увидим еще одного «Француза» — на крымском материале?

Ну, и обратим внимание на такую бинарную оппозицию. Через два года после смерти француза Луи Бертрена, который в сорокалетнем возрасте обрел вторую родину в Феодосии, из этого же города в обратном направлении выдвигается юный герой газдановского романа «Вечер у Клэр». Читай: сам будущий автор этого романа, шестнадцатилетний Гайто Газданов. Да, сначала будут Турция и Болгария. Но в 1923 году Газданов поселится в Париже, где почти через четверть века получит французское гражданство.

Автор «Вечера у Клэр» пишет:

«Мы с ясностью слышали то, чего не узнали бы, если бы не было эха. Мы видели, что мы уедем; но мы понимали это только как непосредственную перспективу, и наше воображение не уходило дальше представления о море и корабле, а эхо доно-

силось до нас новое и непривычное, точно раздавшееся из тех стран, в которых мы еще не были, но которые теперь нам суждено узнать. <...>

Долго еще потом берега России преследовали пароход: сыпался фосфорический песок на море, прыгали в воде дельфины, глухо вращались винты и скрипели борта корабля; и внизу, в трюме, слышалось всхлипывающее лепетание женщин и шум зерна, которым было гружено судно. Все дальше и слабее виднелся пожар Феодосии, все чище и звучнее становился шум машин; и потом, впервые очнувшись, я заметил, что нет уже России и что мы плывем в море, окруженные синей ночной водой, под которой мелькают спины дельфинов, и небом, которое так близко к нам, как никогда».

Неинтересный русскому читателю романист Бертрен прожил в Крыму интересную и благополучную вторую половину жизни, похоронен в Феодосии. Интересный русскому читателю прозаик Газданов долгие годы шел к французскому гражданству: работал грузчиком, слесарем, мойщиком паровозов, ночным таксистом; принимал участие в Сопротивлении... Похоронен на Сент-Женевьев де Буа.

И дело здесь не в параллелях. Их, наверное, и незачем проводить между Бертреном и Газдановым. Дело в том, как Феодосия оказывается точкой пересечения исторических векторов, маршрутов, человеческих судеб.

Феодосия (Кафа) — немаловажное обстоятельство места в развитии такого литературного жанра, как путешествие.

Здесь в последний год своей жизни, возвращаясь из «хождения за три моря», на некоторое время нашел пристанище Афанасий Никитин. «Море перешли, да занесло нас к Балаклаве, и оттуда пошли в Гурзуф, и стояли мы там пять дней. Божиею милостью пришел я в Кафу за девять дней до Филиппова поста».

Вспомним цветаевский «Октябрь в вагоне», записи конца 1917 года. Кто ей там запомнился по дороге до Феодосии? Пошловатый толстый военный, солдаты, матросы, «ужасные мерзавцы», «шкуры». И вот конечный пункт путешествия: «Приезд в бешеную снеговую бурю в Коктебель. Седое море. Огромная, почти физически жгущая радость Макса В<олошина> при виде живого Серёжи. Огромные белые хлеба».

Для Мандельштама отплытие из Феодосии летом 1920 года — наоборот, избавление от неприятностей. В «Возвращении» он пишет: «...ветхая плоскодонная баржа, которая раньше плавала только по Азову, тащила нас из Феодосии в Батум. Хитрый полковник дал нам визы и отпустил к веселым грузинам, твердо рассчитывая получить нас обратно, ибо, как потом оказалось, были сделаны самые хозяйственные распоряжения на этот счет. Чистенькая морская контрразведка благословила наш отъезд. Мы сидели на палубе вместе с купцами и подозрительными дагестанцами в бурках, пароход уже отчалил, обогнул феодосийский мол, но забыл свою подорожную и вернулся обратно. Никогда больше мне не встречалось, чтобы пароход что-нибудь забывал, как рассеянный человек».

Этому предшествовало пребывание в тюрьме. Э. Миндлин называл вероятную причину ареста поэта врангелевцами: «Мандельштам всем и всегда казался подозрителен, должно быть благодаря своему виду вызывающе гордого нищего». Эту же «смешную заметность» Мандельштама, который «рыскал по улочкам этим», упоминает и Борис Чичибабин в стихотворении «Феодосия».

Поэт, сравнивающий в «Возвращении» пароход с рассеянным человеком, в этом тексте перепутал даже год своего путешествия, полагая, что это происходило в 1919-м.

Серия «Раритет», в которой вышла книга Бертрена, задумана издателем Дмитрием Лосевым как раз для жанра путешествий. В ней выходили книги «Путешествия по Крыму в 1840-х годах» Николая Сементовского и «Путешествие из Москвы в Крым и Одессу, совершенное в 1836 году» Николая Всеволожского.

Издательские проекты Дмитрия Лосева показывают, что крымоведение по-прежнему остается перспективным направлением, где все еще ценится качественная исследовательская работа.

Например, Элеонора Петрова сообщает в биографических сведениях о Луи Бертрене, что дату его рождения (21 января 1852 года) зафиксировал в 70-х годах прошлого века известный волошиновед Владимир Купченко. В 80-е годы надгробье Бертрена было разбито, а на восстановленном указали ошибочную дату.

Купченко как исследователь вообще сохранил для нас множество ценных подробностей. Например, из каких-то его работ

можно было узнать о судьбе полковника Александра Викторovichа Цыгальского — инженера, поэта, жившего в Феодосии. Того самого, о котором написан мандельштамовский рассказ «Бармы закона». Известно, что Цыгальский помогал Мандельштаму в упомянутой выше истории с арестом. Скажем, в двухтомнике Мандельштама, вышедшем в «Художественной литературе» в 1990 году, комментарий, относящийся к Александру Цыгальскому, дает скудные сведения о полковнике: вместо даты смерти стоит знак вопроса (подготовка текста и комментарии А. Д. Михайлова и П. П. Нерлера). А вот благодаря волошиноведу Владимиру Купченко читатели Мандельштама могли узнать о том, что Цыгальский умер в США в 1941 году. То есть благополучно избежал судьбы многих офицеров, которые были расстреляны в Крыму в результате террора, организованного Бела Куном и Розалией Землячкой.

В «Путешествии по Крыму» Бертрен часто свидетельствует о давно ушедшей натуре, об утраченном времени, о потерянном ландшафте.

К своему читателю он обращается с таким «приглашением в путешествие»:

«Не следует слишком долго изучать местность, которую ты описываешь, по одной простой психологической причине: острота наших впечатлений со временем решительно притупляется. Мы начинаем не замечать самые яркие красоты и видим только недостатки. Одним словом, с географической местностью происходит то же самое, что и с хорошей едой и красивой женщиной: чтобы оценить их по достоинству, нельзя быть ни голодным, ни пресыщенным. Кто знает, не это ли хотел сказать нежный Амьель, когда писал: «Нельзя доверять тому, кто находится во власти очарования, и тому, кто еще не позабыл это чувство».

Вот уместившиеся в несколько строчек принципы, которыми должен руководствоваться любой исследователь прежде, чем он возьмет в руки посох путешественника. Ведь именно сейчас, в наше время надо быть особенно начеку, так как старая пословица «добро тому врать, кто за морем бывал», увы, уже давно вышла из употребления. Сегодня прогресс настолько насытил мир, что уже очень трудно считать понятие «за морем» синонимом чего-то очень далекого».

Автору свойственны и острая наблюдательность, и внимание к психологическим деталям, и аналитичность.

Еще на пароходе, следующем из Одессы в Евпаторию, он начинает присматриваться к спутникам, будущим землякам: «Рядом со мной завязываются разговоры. В этом краю нескромность не является моветоном. Наоборот, она служит как бы благородным призывом к задушевности. «А чем вы занимаетесь? Куда направляетесь? Откуда вы родом? Вы женаты? А где ваша жена?» и т. д., и т. п., именно так обычно начинают беседы в Крыму — даже иностранцы, на всех языках мира».

«...В этот раз случай свел меня за одним столом с настоящей Филаминтой, у которой карие глаза и молодое, хотя и заурядное, лицо. Ее металлический голос, тщательно подбирая слова, произносит французские фразы с не совсем правильной интонацией. Моя соседка обожает Онэ, постоянно его перечитывает и знает наизусть целые страницы. Поэтому в качестве критики женщина отметила, что в своих первых трех или четырех романах автор «Хозяина кузницы» постоянно, где-то в районе пятидесятой страницы, описывает один и тот же пейзаж и одну и ту же винтовую лестницу. Это ее единственный упрек в адрес любимого автора. Во всем остальном она наслаждается особой простотой его стиля, умением завязать интригу и блестяще сочинить развязку. Что касается Золя, то моя соседка находит его слишком поэтичным, а психология Бурже кажется ей малоубедительной. Я заинтригован. Вскоре выясняется, что эта дама — русская и принадлежит к очень уважаемой династии морских офицеров. Живет она в маленьком крымском городе, где, без сомнения, представляет собой местную достопримечательность».

Крымский пейзаж, неожиданные ракурсы тоже постоянно привлекают внимание Бертрена:

«Море, отражаемое стеклом иллюминатора, мерцало на потолке каюты, как переливающаяся золотистая луна».

«Нам повстречались два парусных судна (качермы), которые под ярким солнечным светом показались грудями кусков розового коралла. Они стремительно шли с попутным ветром. Грациозно склонившись набок, парусники летели, как большие птицы, раскрыв свои крылья-паруса. Качермы, вероятно, перевозят

в Евпаторию марсельскую черепицу, изготовленную в Феодосии одним итальянским промышленником. Об этом я узнал от своего соотечественника из Канталя. Он проработал долгое время жестянщиком в Тифлисе. Несмотря на свое ужасное произношение, он получил недавно место учителя французского языка в одной из крымских гимназий. Не правда ли, эта черепица и этот жестянщик многое объясняют в вопросе о судьбе иностранца в России?..»

«Наш корабль берет курс на восток, чтобы стать на большой рейд. Слева проплываем вдоль гигантской приземистой Константиновской батареи. Она свернулась клубком у самого берега моря, словно ужасная амфибия, днем и ночью стерегущая сушу и бухту с помощью сотен своих закопченных железных глоток.»

«С моря ялтинский пейзаж выглядит как произведение настоящего мастера, подпорченное неумелыми мазками хулигана-мальчишки, застроившего город крашеными деревянными домиками, заполненными дешевыми безделушками. И все же, повторюсь, вид Ялты с моря — прекрасен. Он красив и вечером, когда лунный свет озаряет амфитеатр мрачных гор, красив и ночью, когда Ялта становится похожа на огромный неф базилики, внутри которой мерцает лампада. Красив он и утром, когда еще розовое солнце придает всем предметам неожиданные цветовые оттенки. Лысые хребты приобретают цвет агата, высокие пихты, растущие на верхних горных террасах, сверкают золотистыми иголками, а вычурные домики маленького города покрываются вуалью миража, придающей им более солидный вид. Но, увы, вблизи чары рассеиваются. Когда ты, ступив на землю и потеряв из виду общую панораму, оказываешься один на один с реальностью, испытываешь горькое разочарование!»

Иногда у Бертрена прорывается «кинематографичная», психологически точная проза:

«Между тем в конце аллеи возле пустующего кафе с дремлющим у стойки официантом я наконец-то замечаю по-настоящему живого, но несколько странного человека. Это молодой русский офицер, сидящий на скамейке под прямыми лучами палящего солнца. У него впалые щеки; плечи сдавливают и прижимают грудь к земле. Он держит корзинку с виноградом и с детской наивностью своими худыми пальцами отщипывает ягоду за ягодой,

осторожно пережевывая их и странно поглядывая на уже желтеющую листву деревьев».

«Гуляют дамы в изящных летних нарядах и гимназистки в коричневых платьицах с белым фартуком; возвращаются с работы рабочие в красных блузах; а еще здесь — военные; элегантные морские офицеры с перламутровыми кортиками на боку; моряки, много моряков со сдвинутой набекрень бескозыркой и нагловатой походкой, как бы говорящих мне всем своим видом: «Эй ты, штатский, здесь — моя территория!»».

А вот как Бертрен подключает мягкий, дипломатичный юмор: «Самовар! Невозможно переоценить его значение для России. Без самовара Россия не была бы ею, а без России самовар не стал бы самоваром. В Париже или Лондоне самовар — это африканский лев, заключенный в клетку зверинца. Это уже и не лев, и не самовар. В России самовар представляет собой одну из тех священных вещей, которые символизируют весь народ и ради которых вся нация рождается, живет и умирает. Во Франции у нас есть наше дорогое знамя. У России, кроме знамени, есть еще и самовар. Следуя старой поговорке «Друзья наших друзей — наши друзья», возможно ли любить Россию, не испытав чувства глубокой симпатии к священному для этой страны самовару?..»

Автору отказывает вкус там, где речь заходит о подвигах французов в Крымской войне. Дело не только в плохо скрываемой пристрастности, но и в зашкаливающем пафосе. Порой, правда, Бертрен спохватывается, пытается выдерживать баланс, быть дипломатичным. Иногда в нем даже угадывается будущий крымчанин, готовый стать своим: «Я ошибался. Город освобождается от руин. Наблюдая за этим возрождением, я представляю себе тяжелораненого атлета... <...> Впрочем, сегодня мое сердце и мой взор обращены только на то, что напоминает об осаде. Прежде всего, подхожу к дому, в котором во время войны жил бесстрашный адмирал Нахимов. Несмотря на неказистость этого здания, я приветствую его низким поклоном. Проходящий мимо молодой курсант, удивленный увиденным, в ответ отдает мне честь. Я провожаю его взглядом: у этого молодого моряка очень красивая, уверенная походка. Глядя на него, я говорю себе, что Нахимов и Севастополь не повержены, как это было принято считать».

Как только Бертрен в Севастополе отвлекается от мыслей о французской доблести, прекращает злоупотреблять натужными аллегориями, к нему возвращается способность всматриваться в спину собственного кучера, сверять свои ощущения с насмешливой улыбкой русского мужика...

Когда заходит речь о союзниках-англичанах, Бертрен способен лорду Кардигану — с его прогулочной яхтой и французским поваром в разгар войны — противопоставить мужественного Нахимова.

Кажется, еще чуть-чуть — и новоиспеченному жителю Тавриды подспудно захочется «переиграть» Крымскую войну так, чтоб русские и французы участвовали в ней на одной стороне... «Мы можем с уверенностью сказать, что во время многочисленных перемирий, когда русские солдаты пили кофе из кружек наших пехотинцев и в свою очередь щедро угощали тех водкой, когда чокались, как братья, про себя или вслух они произносили тосты на универсальном языке — за то, чтобы настал тот день, когда они будут сражаться под одними знаменами».

Здесь Бертрен проявляет некоторую проницательность: через четверть века 1-я и 3-я бригады Русского экспедиционного корпуса действительно будут сражаться за провинцию Шампань.

Андрей Дмитриев